

УДК 316.012(510)(045)

*Р.Б. Махмудов***ГИПОТЕЗЫ ЛИПСЕТА И ФУКУЯМЫ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ
НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ**

В статье делается попытка проверить универсальность гипотез Френсиса Фукуямы и Сеймура Мартина Липсета о положительной корреляции богатства и потребительской культуры с либерализмом и демократией на примере некоторых развивающихся стран и современного Китая. Ключевым компонентом анализа выступает средний класс, традиционно считающийся индикатором экономического состояния общества, основой потребительской культуры и носителем ценностей экономического либерализма. Также анализируется проблема качественного перехода среднего класса от исповедования ценностей экономического либерализма к ценностям политического либерализма и к требованиям их практического воплощения в виде демократизации общества и государства. В статье приводятся результаты исследования среднего класса в наиболее успешных развивающихся странах, проведенного Pew Research Center в 2009 году, которые в целом подтверждают гипотезу о существовании глобального среднего класса с ценностной точки зрения вне зависимости от того, идет ли речь о развитой или развивающейся стране. В то же время более поздние по времени исследования пока не подтверждают успешного перехода экономического либерализма в политический либерализм в этих развивающихся странах. В этой связи ключевым концептуальным вопросом, который должен будет подтвердить или опровергнуть гипотезы Липсета и Фукуямы, является дальнейшая судьба развития среднего класса Китая, который уже стал крупнейшим в мире по численности, почувствовал вкус потребления и экономического либерализма. Учитывая, что китайский средний класс составляет более 50 % населения страны, пока остается загадкой, почему он все еще не предъявил требования о политической трансформации государства и какие причины сдерживают переход укрепляющегося экономического либерализма в китайском обществе в либерализм политический, а также возможен ли этот переход вообще.

Ключевые слова: Френсис Фукуяма, Сеймур Мартин Липсет, постистория, либерализм, Китай, гистерезис, экстрактивные институты, инклюзивные институты, конфуцианство, культурные измерения.

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-439-450

Ссылка на статью:

Махмудов Р.Б. Гипотезы Липсета и Фукуямы и их верификация на примере современного Китая // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, вып. 4. С. 439–450. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-439-450>

Введение

В современной социологической и политической мысли не последнее место занимают гипотезы, основанные на каузальной связи экономического роста, роста численности и богатства среднего класса, развития потребительской культуры и утверждения либерализма и демократии в отдельно взятой стране. Сторонники подобных гипотез считают, что они носят универсальный характер и работают вне зависимости от культурно-цивилизационного контекста той или иной страны.

Параллельно в политической социологии получило распространение мнение, что присущий западной научной мысли универсализм не работает в отношении Китая, который представляет собой уникальный случай адаптации капитализма и возрождающегося конфуцианства в рамках реализации базовой китайской модели развития на основе научного социализма и коммунизма при руководящей роли Коммунистической партии Китая (КПК).

Очевидно, что в данном случае имеет место столкновение двух различных концептуальных взглядов, которые шире укладываются в дихотомию «универсальность versus локальность», или «универсальность versus уникальность».

Универсалистские параметры гипотезы каузальной связи экономического роста и либерализма

Одним из наиболее известных образцов данной универсалистской гипотезы является модель, представленная Френсисом Фукуямой в его известном эссе «The End of the History?», опубликованном в американском журнале «The National Interest» в 1989 г. В нем Ф. Фукуяма говорит о западной

либеральной демократии как об универсальной модели и «окончательной форме правления», которую он называет «общечеловеческим» и «постисторическим» государством, противопоставляя его «историческому государству». В качестве символа и фундамента постисторического государства Ф. Фукуяма определяет «универсальную культуру потребления».

Согласно ему, историческое государство, получившее «прививку» общества потребления и почувствовавшее вкус к потреблению, уже не вернется в «историческую форму», а будет двигаться в сторону постистории, последовательно проходя две стадии: сначала утверждается экономический либерализм, а за ним, медленно, но неотвратимо, либерализм политический. В качестве наглядного примера он приводит Японию, пришедшую к «истинно универсальной культуре потребления», а также Южную Корею и другие экономически успешные страны Азии, где видна «победа идеи общечеловеческого государства».

Как полагал Ф. Фукуяма, подобная логика применима также к коммунистической на то время России, а также Китаю, где КПК сохраняла монополию на политическую власть. Именно поэтому он не принимает утверждений Чарлза Краутхаммера о том, что «если в результате горбачевских реформ СССР откажется от марксистско-ленинской идеологии, то произойдет возвращение страны к политике Российской империи девятнадцатого века». Речь идет о продолжении соперничества и конфликтов, имевших место между Россией, Великобританией и кайзеровской Германией.

Ф. Фукуяма считает это предположение Краутхаммера «просто курьезным». «Неужели человеческое сознание все это время стояло на месте и Советы, подхватывающие сегодня модные идеи в сфере экономики, вернутся к взглядам, устаревшим в Европе уже столетие назад?», – писал он в «The End of the History?». Что касается Китая, то, по мнению Ф. Фукуямы, китайский экспансионизм практически исчез после начала реформ и «Новый Китай гораздо больше напоминает голлистскую Францию, чем Германию накануне Первой мировой войны») [1, с. 3–18].

Нужно отметить, что Ф. Фукуяма был не первым исследователем, попытавшимся выстроить подобные каузальные связи. За тридцать лет до «The End of the History?» свою гипотезу о связи богатства и демократии предложил известный американский социолог Сеймур Мартин Липсет в работе «Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy». В ней он прямо пишет, что «чем богаче нация, тем больше шансов, что она поддержит демократию» [2, с. 69–105]. Это утверждение известно, как «гипотеза модернизации Липсета».

Согласно Сэмюэлю Хантингтону, объективные обстоятельства для зарождения подобных гипотез, связанных с положительной корреляцией богатства и демократии, появились к XIX в. в результате индустриализации. Ранее, еще даже в XVIII в., когда господствовали аграрные общества, политические теоретики придерживались другой гипотезы о том, что «богатые страны скорее способны быть монархиями, а бедные – республиками или демократиями». С. Хантингтон отдает должное Липсету, отмечая, что факт положительной корреляции богатства и демократии было выявлен именно им [3, с. 71].

Между тем, говоря о положительной корреляции богатства и демократии/либерализма, необходимо принять во внимание также третий элемент, без которого данная гипотеза будет неполной. Им выступает «средний класс», который добавляет психологическое, социологическое и поведенческое измерение в гипотезу.

Традиционно средний класс определяется на основе такого количественного параметра, как дневной или годовой уровень доходов человека и домохозяйства. Однако количественный параметр, хотя и является важным, но все же не достаточным, если мы рассматриваем средний класс в рамках гипотезы о положительной корреляции богатства и демократии, а также гипотезы поэтапной трансформации экономического либерализма в политический либерализм.

Как представляется, в этом случае более приемлемой может быть модель французского социолога Пьера Бурдьё. Речь идет, прежде всего, об ее адаптации к рассматриваемой нами проблеме. Модель Бурдьё основывается на интеракциях и конвертациях трех видов капитала, которыми обладают социальные агенты, действующие на различных полях – экономический капитал, культурный капитал и социальный капитал.

Экономический капитал, согласно П. Бурдьё, «непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности». Культурный капитал «может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций» и «при определенных условиях конвертируется в экономический капитал». В свою очередь, социальный капитал образован социальными обязательствами («связями») и может быть институционализирован (в форме титула, звания) и при определенных условиях может также конвертироваться в экономический капитал [4, с. 60–74].

Если применить эту модель к среднему классу, то она даст весьма сложную картину, связанную с принципами формирования и особенностями среды среднего класса. Эта среда далека от количественной статистики, она динамична, она характеризуется наличием многочисленных маркеров и границ социальной стратификации, включая политические ценности и предпочтения, источники и поля с высоким конкурентным и конфликтным потенциалом. Исходя из этого, можно дать примерные параметры принадлежности индивида к среде среднего класса.

Так, агент среднего класса должен обладать правами на различные виды собственности и иметь достаточно устойчивые источники дохода для ее потенциального приобретения и содержания, хорошей и в некоторых случаях идеальной кредитной историей, иметь финансовый базис для вхождения в определенную систему знаков (от iPhone последней модели и диплома престижного университета до фитнес-зала и вегетарианской диеты), потребление которых символизирует его принадлежность к среднему классу и очерчивает границу, отделяющую его от рабочего класса. Потребление знаков у агента среднего класса должно быть устойчивым, в отличие от представителя рабочего класса, который лишь периодически позволяет себе приобретение некоторых из видов товаров и потребление услуг, символизирующих принадлежность к среднему классу.

Важнейшим компонентом выступает также умение читать культурные шифры и приобретение агентом определенного типа эстетического вкуса. Российские социологи Михаил Соколов, Мария Сафонова и Галина Чернецкая, рассуждая о месте высокой культуры в социологической концепции Пьера Бурдьё, по этому поводу пишут следующее: «Приобщение к высокой культуре рассматривается людьми в качестве доказательства их принадлежности к желательной социальной категории; эстетический вкус у детей господствующего класса развивается как инструмент утверждения своего отличия». Они указывают, что социологическая теория эстетического восприятия Пьера Бурдьё строится вокруг понятия «код». По их мнению, «П. Бурдьё предлагал рассматривать любое произведение искусства как зашифрованное послание, которое понятно только тому, кто владеет шифром, для всех остальных оно непрозрачно. Коды образуют естественную иерархию сложности в зависимости от того, как далеко они отстоят от тех схем восприятия, которыми руководствуются люди в повседневной жизни» [5, с. 152–179].

Коды и паттерны в области эстетического восприятия создают еще одну границу между классами. В нашем случае, это границы между средним и рабочим классом. Михаил Соколов акцентирует внимание в теории эстетического восприятия Бурдьё именно на связи культуры и социальных границ. «Искусство, говорил Бурдьё, всегда служило и продолжает служить для того, чтобы прочерчивать социальные границы. Высшие классы будут слушать совершенно не ту музыку, которую слушает рабочий класс, и музыкальные предпочтения раз и навсегда проводят барьер между ними», – подчеркивает российский социолог [6].

Агент, входящий в средний класс, должен обладать и характерным для этого класса социальным капиталом, т. е. он должен быть членом разнообразных устойчивых социальных сетей и групп, образуемых агентами, принадлежащими к среднему классу. Без наличия соответствующего социального капитала принадлежность индивида к среднему классу будет незавершенной. Отсутствие достаточного социального капитала может поставить под угрозу устойчивость экономического и культурного капитала, которым обладает представитель среднего класса, поскольку все три вида капитала обладают качеством взаимной конвертации и взаимозависимости.

Таким образом, используя анализ видов капитала и их взаимной конвертации, можно более или менее уверенно определить степень принадлежности того или иного агента к среднему классу. При этом фактор уровня доходов человека или домохозяйства может варьировать от страны к стране, главное, чтобы они позволяли агенту действовать в среде, определяемой как среда среднего класса.

Вместе с тем, говоря о специфической среде среднего класса, порожаемой тремя видами капитала, все же остается открытым вопрос о его мировоззренческих и политических ценностях и предпочтениях. Одна из гипотез, тесно связанная с гипотезами Фукуямы и Липсета, и также претендующая на универсальность, гласит, что средний класс является естественным носителем либеральных идей и ценностей, т. е. обладает либеральным классовым сознанием.

Если в развитом мире связь между богатством, средним классом и либерально-демократическими ценностями была эмпирически отслеживаема, то до распада Восточного блока проверить данную гипотезу на критерий «универсализма» было сложно. Распад Советского Союза и Варшавского договора, а также ускорение процессов глобализации после 1991 г., открыли широкие

возможности для наблюдения за процессами становления среднего класса в развивающемся мире и осуществления замеров его ценностных ориентиров.

В данном случае можно выделить масштабное социологическое исследование «The Global Middle Class», проведенное в 2009 г. Pew Research Center в партнерстве с журналом «The Economist» в 13 развивающихся странах мира, таких как Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Чили, Мексика, Россия, Украина, Польша, Болгария, Египет, Южная Африка, Малайзия и Индия. Исследование выявило две закономерности. Во-первых, по мере того, как экономически развивающиеся страны становятся более процветающими, их средний класс становится более удовлетворенным своей жизнью. Во-вторых, начинают меняться многие базовые ценности среднего класса в развивающихся странах и со временем ценности становятся больше похожими на ценности обществ развитых стран, а также они начинают отличаться от ценностей менее обеспеченных сограждан.

Исследование показало, что средний класс в указанных 13 развивающихся странах более склонен поддерживать либерально-демократические ценности, такие как честные выборы с участием как минимум двух партий, справедливая судебная система, свобода слова, свобода прессы, свобода религии по сравнению с менее обеспеченным слоем граждан. Хотя по некоторым странам были исключения. Например, в Бразилии 80 % респондентов с низким уровнем дохода высказалось за ценность справедливой судебной системы по сравнению с 79 % опрошенных, принадлежащих к среднему классу. В Болгарии это соотношение было еще больше – 84 % против 81 %.

Было отмечено, что средний класс в этих развивающихся странах является менее религиозным по сравнению со страной с низким уровнем доходов, рассматривает религию менее важной в своей жизни, и не считает, что для того чтобы быть моральным, нужно обязательно верить в Бога. Также средний класс более позитивно смотрит на проблему гомосексуальности в обществе. Исследование зафиксировало большую озабоченность представителей среднего класса вопросами экологии и загрязнения окружающей среды. Хотя и в данном случае были исключения. В Мексике, Польше и Аргентине большую обеспокоенность загрязнением окружающей среды высказали респонденты с низким уровнем дохода [7].

На основании полученных данных, можно констатировать, что большая часть среднего класса 13 крупнейших развивающихся стран продемонстрировала приверженность тем же ценностям, что и средний класс развитых стран, включая либеральные, секулярные и экологические ценности. В то же время данные исследования пока не позволяют в полной мере проверить гипотезу Фукуямы о поэтапном утверждении либерализма (от экономического либерализма к политическому), поскольку ни в одной из них, даже несмотря на развитие среднего класса, еще не установилась политическая система, определяемая как «полноценно демократическая».

Спустя девять лет после совместного исследования Pew Research Center и The Economist, в Democracy Index 2018 от The Economist Intelligence Unit ни одна из 13 стран не была отнесена к «полноценной демократии» (full democracy). Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика, Польша, Болгария, Южная Африка, Малайзия и Индия были определены как «неполноценные демократии» (flawed democracy), Украина как «гибридный режим» (hybrid regime), Венесуэла, Россия и Египет как авторитарные страны (authoritarian) [8].

В Ranking of Countries by Quality of Democracy 2020, составленном Julius-Maximilians-Universität Würzburg (ФРГ), только Чили была определена как «работающая демократия» (working democracy). Аргентина, Бразилия, Польша, Болгария и Южная Африка попали в группу стран с «недостаточной демократией» (deficient democracy), Украина, Мексика, Малайзия и Индия – в группу стран с «гибридными режимами» (hybrid regime). В свою очередь Россия и Египет были определены как страны с «умеренной автократией», а Венесуэла – как «жесткая автократия» (hard autocracy) [9].

Уникальность Китая или его задержка со вхождением в мир универсальности?

Гипотезы о связи богатства, развития культуры потребительского общества и среднего класса с последующим утверждением демократии и политического либерализма нельзя будет считать универсальными без их эмпирического подтверждения на базе Китая, представляющего собой крупнейшую экономику мира по паритету покупательной способности.

Путь Китая к своему экономическому возвышению начался после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., когда руководство КПК во главе с Дэн Сяопином запустило масштабную и успешную программу модернизации страны. Рональд Коуз и Нин Ван по этому поводу писали: «Мало кто мог предположить,

что Коммунистическая партия Китая будет в конце концов привержена рыночной экономике. Однако сегодня общепризнано, что идея перевести экономику страны на капиталистические рельсы принадлежала именно правительству» [10, с. 37].

В результате внедрения элементов капитализма и рыночной экономики в КНР постепенно стал появляться средний класс, рост которого был мощно стимулирован вступлением Пекина в ВТО 11 декабря 2001 г. Накануне вступления в ВТО численность китайского среднего класса составляла всего 39,1 млн человек (3,1 % населения). Но уже к 2018 г. он достиг отметки примерно 707 млн (50,8 % населения). За 18 лет рост составил 667,9 млн чел., что представляет собой феноменальное историческое достижение [11].

Растущий средний класс стал мотором развития культуры потребления в стране и, благодаря ему, китайский рынок в целом ряде сегментов превратился в мирового лидера. КНР сегодня крупнейший рынок в сегменте e-commerce, который является одним из индикаторов развития культуры потребления, широты проникновения Интернета и гаджетов в обществе и экономике. По данным HSBC, количество пользователей Интернета в КНР уже в 2018 г. было больше, чем в США, Индонезии и Бразилии вместе взятых, а это одни из самых густонаселенных стран мира [12].

Важными индикаторам культуры потребления считается потребление средним классом предметов роскоши в целях демонстрации повысившегося социального статуса, а также туризм и здоровое питание. В настоящее время на китайский средний класс приходится 70 % внутреннего рынка и 30 % мирового рынка покупок предметов роскоши. Средний класс КНР быстро осваивает рынок путешествий с целью досуга. В тройку ведущих направлений в допандемическом 2019 г. вошли Таиланд, Гонконг и Япония. Также стремительно растет популярность Северной и Южной Америки и Европы. Растущий китайский средний класс начинает отдавать предпочтение здоровому питанию и здоровому образу жизни, т. е. демонстрирует типичное для среднего класса развитых стран поведение [13].

Очевидно, что китайский средний класс осваивает те же самые потребительские паттерны, которые наблюдаются у глобального среднего класса, и это в свою очередь дает основание говорить о том, что в Китае имеет место относительный экономический либерализм. Относительный, поскольку сохраняется широкое вмешательство государства в работу бизнеса (господдержка предприятий, распределение заказов и т. д.). Можно сказать, что логика Фукуямы пока работает. Дело теперь остается за переходом Китая в стадию утверждения политического либерализма и такие попытки уже были.

Первой попыткой перевода страны в режим политического либерализма можно считать зарождение демократического движения в китайском обществе в конце 1980-х гг. Как отмечает американский социолог Рональд Инглхарт, именно в этот период в КНР наблюдалось наличие напряженности между спросом и предложением свободы, что вылилось в события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, которое было подавлено властями. Одной из причин этого можно считать то, что средний класс КНР был еще слаб и немногочислен, что позволило элитам более свободно использовать силовые инструменты подавления протестов. Согласно Р. Инглхарту, «в 1989 году демократическое движение в Китае охватывало в основном образованные слои городской молодежи, тогда как большую часть населения страны по-прежнему составляли сельские жители» [14, с. 464].

Однако ситуация сегодня принципиально отличается от ситуации конца 1980-х гг., поскольку в количественном плане численность среднего класса в Китае превысила психологическую отметку в 50 % населения. Тем не менее пока громких требований о широкой политической либерализации в китайском обществе не наблюдается, хотя теоретически спрос на свободу в нем должен расти, и это открывает широкое поле для различных гипотез.

Гипотеза 1. Ее можно назвать гипотезой «эффекта структуры среднего класса» и «эффекта гистерезиса» (от греч. hysteresis – отставание, запаздывание), которые влияют на поведенческие и ценностные модели китайского среднего класса.

Как показывают имеющиеся данные, большая часть роста численности среднего класса в Китае в период 2000-2018 гг. пришлась на граждан, располагающихся в пределах диапазона доходов ниже среднего (lower-middle income band). Согласно Pew Research Center, диапазон составляет 10–20 долл. в день или 3650 – 7300 долл. в год. Это серьезно отличает средний класс Китая, например, от среднего класса Швеции. Хотя в процентном отношении к общей численности населения численность китайского и шведского среднего класса примерно одинакова (50,8 % против 51 %), однако в Китае 68 % среднего класса попадает в категорию «доходов ниже среднего», в то время как в Швеции в эту группу попадают всего 11 % [7].

Если рассматривать ситуацию с точки зрения доходов, то нижняя планка дохода среднего класса Китая в 10 долл. в день совпадает с верхней планкой доходов низшего класса (low income band), которая также составляет 10 долл. в день. Очевидно, что грань, разделяющая нижнюю группу среднего класса от низшего класса, порой условная и весьма неустойчивая, постоянно находящаяся в зависимости от множества факторов экономического характера. Следствием этого является то, что по своей ментальности, ценностям и поведению нижняя группа китайского среднего класса, скорее всего, имеет больше общих черт с низшим классом, чем с верхней стратой среднего класса с доходами ближе к 50 долларов в день. Ценности низшего класса и нижней группы среднего класса, скорее, можно классифицировать как традиционалистские. Для Китая традиционалистские ценности – это в огромной степени ценности Конфуцианства, в котором общее/коллективное преобладает над частным/индивидуальным в противовес индивидуализму в либерально-демократическом мире.

Общую численность нижней группы среднего класса и низшего класса Китая можно оценить, примерно в 1,2 млрд человек, если принять во внимание, что нижняя группа среднего класса составляет 68 % или 480 млн от 707 млн человек всего китайского среднего класса, а численность низшего класса – не менее 700 млн человек при общем населении КНР в 1,450 млрд человек. Исходя из количественного критерия, можно предположить, что именно эти две группы в целом определяют нынешний ценностный и поведенческий облик китайского общества. Эту гипотезу можно проверить через сравнение представленности Китая в типологии культурных изменений Герта Хофстеде с системой конфуцианских ценностей, а также с США как яркого представителя западной индивидуалистской и низкоконтекстной культуры, и Японией, которая также как и Китай исторически входит в конфуцианский ценностный круг.

Как известно, знаменитая типология Хофстеде содержит шесть следующих измерений:

1. Дистанция власти (Power distance). По данному измерению Китай имеет рейтинг 80, указывающий на то, что в китайском обществе неравенство между людьми приемлемо, отношения подчиненный-начальник имеют тенденцию к поляризации, на людей влияют официальные полномочия и санкции, в обществе нет защиты от злоупотребления властью со стороны начальства, а также у людей не должно быть стремлений, выходящих за рамки их ранга [15]. Для сравнения, у США этот показатель составляет 40 [16]. Показатель Японии – 54. [17].

В конфуцианстве, как известно, характер взаимоотношений начальника и подчиненного строится по модели взаимоотношений отца и сына. Сын должен почитать начальника как отца, а начальник должен относиться к подчиненному как к сыну. Согласно Чжао Чуньфу, в конфуцианстве сильна идея иерархии и взаимозависимости, что противоречит модернизации [18].

2. Индивидуализм (Individualism). По этому показателю у КНР 20 баллов, т. е. это высококоллективистская культура, где люди действуют, прежде всего, в интересах группы [15]. Фактор принадлежности к узкому кругу заинтересованных лиц влияет на прием на работу и продвижение по службе, и поэтому личные отношения являются преобладающими. Приверженность сотрудников к интересам организации (но не обязательно людям в организации) низка. В то время как отношения с коллегами в группах основаны на сотрудничестве, они холодны или даже враждебны по отношению к чужим. Для сравнения, рейтинг индивидуализма у США составляет 91, у Японии – 46 [16–17].

Оценка уровня индивидуализма и связи личности с узким кругом заинтересованных лиц по рейтингу Хофстеде совпадает с оценкой американского исследователя Чжэньгуана Чжоу. Он указывает на такое социальное явление, как «гуанси» или «квазисемейственность», которое берет свое начало в конфуцианском понимании «большой семьи». «Гуанси» – это трансформация большой традиционалистской семьи в условиях индустриализации и урбанизации. В ее основе лежат уже не родственные, а личные связи. Человек, вовлеченный в гуанси, является, как и в традиционной семье, не автономным индивидуумом, а частью добровольных сетевых отношений. Как и у Хофстеде в его оценке противостояния групп в китайских коллективах, одно гуанси враждебно настроено по отношению к другому гуанси [18].

3. Мужественность (Masculinity). Рейтинг Китая – 66 и это означает, что китайское общество ориентировано на успех, конкуренцию и достижение. Китайцы готовы жертвовать семьей и досугом ради успеха, дохода или получением высоких рейтинговых оценок, если речь идет о студентах [15]. Нужно отметить, что по рейтингу «мужественности» Китай обходит США, у которых он составляет 62 [16]. Однако если принять во внимание преобладающий у китайцев фактор групповых интересов, а у американцев – индивидуализма, то более высокий уровень «мужественности» у китайцев будет

работать больше на традиционные или квазитрадиционные институты, а у американцев – на либеральные. Чжао Чуньфу также отмечает, что конфуцианству присущи прагматизм, энергичное и деятельное отношение к жизни, и это качество подходит для модернизации [18]. У японцев показатель маскулинности составляет 95, что является одним из самых высоких в мире. Японцы воспринимаются как коллективисты по западным стандартам и как индивидуалисты по азиатским стандартам [17].

4. Избегание неопределенности (Uncertainty avoid). Это измерение связано с вопросом о том, как общество имеет дело с неопределенным будущим: следует ли пытаться контролировать будущее или просто позволить ему случиться? Неопределенность сопровождается беспокойством и тревогой, в ответ на которые различные общества создают различные институты.

Если у японцев, согласно Hofstede Insights, вследствие природных особенностей Японии (цунами, извержения вулканов, землетрясения) культура развилась в сторону подготовки к экстремальным ситуациям, что отразилось на ритуализации жизни и высоком внимании к этикету, а в корпоративной жизни – на тщательной разработке обоснований проектов с целью минимизации неопределенности, то у китайцев дело обстоит несколько иначе. Китайская культура отличается более гибким отношением к соблюдению законов и правил для соответствия реалиям ситуации. Поэтому китайцы более прагматичны, более адаптируемые и предприимчивые. Они чувствуют себя комфортно в ситуации неопределенности и двусмысленности, что отражается на их языке, который полон двусмысленности, сложно понимаемой представителями Запада. По показателю избегания неопределенности китайцы со своими 30 баллами обходят американцев, у которых их 46 баллов, и оставляют далеко позади японцев с их 92 баллами [15–17].

5. Долгосрочное мышление (Long term orientation). Согласно Hofstede Insights, это измерение описывает способы поддержки обществом связей со своим прошлым и решения проблем настоящего и будущего. Каждое общество по-разному расставляет приоритеты для этих двух экзистенциальных целей. Нормативные общества с низкими оценками предпочитают поддерживать освященные веками традиции и нормы, с подозрением относясь к изменениям в обществе. Общества с более высокими показателями, наоборот, используют более прагматичные подходы к будущему, поощряя бережливость и усилия в области образования.

Китай в данном измерении имеет высокий показатель в 87 баллов, что говорит о высокой способности общества адаптировать традиции к изменившимся условиям, наличии сильной склонности к сбережению и инвестированию, бережливости и настойчивости в достижении результатов. Это прагматичное общество, в котором люди верят, что истина во многом зависит от ситуации, контекста и времени [15]. Для сравнения у Японии показатель долгосрочной ориентации еще выше и составляет 88 баллов [17].

В свою очередь, у США показатель 26, и он показывает, что американское общество следует ценностям более краткосрочной ориентации, и это побуждает американцев стремиться к быстрым результатам на рабочем месте. По сравнению с культурами Китая и Японии, американская культура поляризована – с одной стороны, американцы очень практичны, но с другой, среди них сильны нормативные представления, выраженные в приверженности дуализму «добра» и «зла». Как отмечается Hofstede Insights, США – это единственная «Caucasian state», в которой количество людей, посещающих церковь, выросло с начала XX в. [16].

6. Допущение (Indulgence). Согласно модели Хофстеде, все общества делятся на две группы по типу социализации детей и тому, как в этом процессе контролируются их желания и побуждения. Культуры по данному измерению делятся соответственно на «допускающие», отличающиеся слабым контролем, и «сдержанные», в которых разные типы высокого контроля. Китай относится к сдержанным обществам с показателем в 24 балла.

Столь низкий показатель по измерению «Допущение» у КНР, согласно Hofstede Insights, означает, что люди в китайском обществе не уделяют особого внимания досугу, они склонны к цинизму и пессимизму, и считают, что потакать себе – это что-то неправильное. В китайском обществе имеет место контроль над удовлетворением желаний через их ограничение социальными нормами [15].

Эти характеристики во многом совпадают с тем отношением к желаниям и побуждениям, которое имеет место в конфуцианстве. Согласно китайскому ученому Чэнь Хуаньчжана, подлинная суть учения Конфуция состоит не в уничтожении желаний, а в сокращении их числа и недопустимости потворства желаниям. Чэнь Хуаньчжан связывает удовлетворение желаний и потребление с правилами конфуцианской ритуальной благопристойности «ли». Согласно ему, Конфуций считал удовлетво-

рение желаний позволительным в рамках ограничений, налагаемых правилами ритуальной благопристойности» [19, с. 514–540]. У США показатель «Допущение» составляет 68, у Японии – 42 [16–17].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что современное китайское общество и большая часть его среднего класса все еще являются носителями традиционалистских представлений и ценностей, в которых общее и коллективное преобладает над частным и индивидуальным. Также высокий показатель дистанции власти в китайском обществе указывает на то, что власть рассматривается большинством китайцев сквозь призму «сакрального», как это и принято в традиционалистских обществах.

В этой связи встает вопрос о том, какова вероятность преодоления китайским обществом и средним классом традиционалистских представлений с выходом на уровень, где индивидуальное превалирует над общим и где утверждается культура инклюзивных политических институтов, необходимых для утверждения политического либерализма.

Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель еще в 2005 г. отмечали, что «в китайском обществе массовый спрос на свободу уже превышает институциональное предложение». По их мнению, если социально-экономическое развитие Китая будет продолжаться столь высокими темпами, то ценности самовыражения, необходимые для демократизации и либерализации, станут все шире утверждаться в обществе и проникать в ряды военных и молодых представителей партийной элиты. На основании этого, они сделали прогноз, что в ближайшие два десятилетия в Китае произойдет переход к демократии [14].

Вряд ли, конечно, сегодня можно ожидать, что в КНР состоится переход к либеральным и демократическим ценностям к 2025 г., однако, в целом логика Инглхарта и Вельцеля представляется довольно убедительной в рамках гипотез Липсета и Фукуямы. Тем не менее она нуждается в небольшой дополнительной детализации.

Во-первых, важен не только сам экономический рост, способствующий общему повышению благосостояния китайского общества, но важно и распределение богатства, способствующее изменению соотношения между подстратами внутри среднего класса в сторону превалирования middle-middle class и high-middle class, что гипотетически может способствовать преодолению ценностных барьеров конфуцианского традиционализма.

Во-вторых, необходимо больше времени для преодоления эффекта «гистерезиса» или «эффекта Дон Кихота», который наблюдается у нынешнего среднего класса Китая. Дело в том, что большинство представителей китайского среднего класса лишь относительно недавно вошли в данную страту из более низких страт и в силу этого эволюция их ценностей и поведения может запаздывать, не соответствуя моделям и ценностям новой среды.

Скорее всего, большей ценностной либерализации среднего класса можно будет ожидать у представителей следующих поколений, чья социализация состоялась уже в среде среднего класса. С социологической точки зрения растущий средний класс текущего поколения будет постепенно создавать новую среду для социализации и формирования габитуса их детей, приобретения ими культурного, экономического, социального и символического капитала, качественно отличного от того, с которого родители начинали свою взрослую жизнь. Это будет менять общий ценностный климат в китайском обществе в долгосрочной перспективе.

Таким образом, если следовать подобной логике, то при дальнейшем поступательном экономическом развитии Китая и его вхождении в группу развитых стран к середине XXI в. можно будет ожидать не только количественного увеличения китайского среднего класса, но и появления семей, закрепившихся в среднем классе во втором и третьем поколении, способных стать настоящими носителями ценностей данной социальной страты в виде ценностей либерализма и демократии.

Гипотеза 2. Перехода Китая к более либеральной политической системе не будет до тех пор, пока не исчерпает свой потенциал нынешняя система, основанная на парадоксальном сочетании относительного экономического либерализма и нелиберальной политической системы и системы организации общества, находящегося под плотным контролем со стороны КПК.

По мнению Рональда Коуза и Нин Вана, идея о создании подобной гибридной системы возникла у китайских функционеров в 1978-1979 гг., когда они посетили Гонконг, Макао, Сингапур, Японию, Соединенные Штаты и Западную Европу, и после увиденного там «были вынуждены признать выдающиеся достижения капитализма в инновационной, технологической и институциональной областях». При этом они не были готовы отказаться от представлений о жизнеспособности социалисти-

ческой экономики. «Китайское руководство верило, что, как только Китай позаимствует у капиталистических стран средства производства и современные технологии, он обязательно догонит Запад в силу превосходства социалистической модели», – отмечал Р. Коуз.

Американский экономист сравнивает логику мышления китайского коммунистического руководства с мышлением их предшественников из династии Цин, которые также пытались создать гибридную модель в период 1861–1894гг. через заимствование западных технологий для укрепления китайской традиционной культуры. В случае с китайскими коммунистами речь шла об использовании капитализма ради спасения социализма [10].

Если следовать концепции влияния экстрактивных и инклюзивных политических и экономических институтов на стимулирование экономического роста, авторами которой являются американские экономисты Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон, то Китай рано или поздно придет к кризису своей гибридной конструкции и встанет перед сложным институциональным выбором. «Коммунистический Китай – это еще один пример страны, которая быстро растет при экстрактивных институтах, но вряд ли сможет сделать этот рост устойчивым, если только в ней не произойдет фундаментальной политической реформы и не утвердятся инклюзивные политические институты», – считают они.

Американские экономисты, признавая тот факт, что китайские экономические институты в настоящее время несравнимо более инклюзивны, чем три десятилетия назад, тем не менее считают Китай примером экономического роста в условиях экстрактивности по целому ряду причин. Они указывают, что «несмотря на акцент на инновациях и технологиях, китайский рост базируется на усвоении существующих технологий и быстрых инвестициях, а не на созидательном разрушении». Также, по их мнению, права собственности в Китае до сих пор недостаточно защищены, мобильность рабочей силы жестко регулируется, а множество бизнесменов не могут «даже начать какую бы то ни было деятельность без поддержки местных или, что еще более важно, столичных партийных органов».

Д. Аджемоглу и Д. Робинсон считают, что руководство стран, оказавшихся в ситуации исчерпания роста и прогресса в инновационных процессах, вызванных экстрактивными институтами, должно будет стимулировать переход к инклюзивным институтам и «созидательному разрушению» как средству поддержки технического прогресса и инноваций [20, с. 1083].

Это очень важное замечание, учитывая нарастающую глобальную технологическую гонку в рамках Четвертой промышленной революции, принимающую все более бескомпромиссный характер. Известно, что Китай поставил перед собой задачу превратиться к 2049 г. в развитую страну и мировой центр генерации инноваций и решений, и первым этапом достижения данной цели можно считать программу Made in China 2025. Как представляется, именно способность Пекина достичь указанной цели в условиях конкуренции с США, ЕС и ведущими технологическими центрами Азии, консолидирующихся сегодня на антикитайской повестке дня, может стать индикатором жизнеспособности или наоборот исчерпанности его гибридной политико-экономической и социальной конструкции, а также нынешних подходов КПК к среднему классу.

Пока гибридная модель с центральной ролью государства работает и значительные группы среднего класса КНР извлекают из нее реальные дивиденды, в силу чего они заинтересованы в ее функционировании. Данни Мэй, исследователь из City University of New York, приводит несколько групп китайского среднего класса, которые в своих доходах зависят от государства.

В первую очередь, это государственные служащие и партийные кадры, чье благополучие и пребывание в среде среднего класса напрямую связано с интересами государства. Они получают стабильную зарплату и различные виды льгот, начиная от недорогой и качественной медицинской помощи и заканчивая доступом к недорогому жилью [21, с. 43]. Это многомиллионная социальная группа. Численность только членов КПК составляет 95,15 млн человек [22]. К ним можно добавить 55,63 млн человек, работавших на государственных предприятиях по состоянию на 2020 г. [23]. Второй группой среднего класса, тесно связанной государством, выступают частные предприниматели малого и среднего бизнеса. Их связь с государством выражается в том, что многие из них являются членами Коммунистической партии Китая или входят в спонсируемую государством Всекитайскую федерацию промышленности и торговли. По состоянию на 2019 год, численность людей, работающих на частных предприятиях, составила 145,67 млн человек [Там же].

Третья группа среднего класса, выделяемая Данни Мэй, это профессионалы из государственного и частного сектора. Профессионалы из государственного сектора как высокообразованные люди, более склонны к демократическим ценностям. В то же время свои доходы они получают, работая в

финансируемых государственным учреждениям, таких как университеты, больницы, исследовательские институты, различные ассоциации. Государство именно этой категории профессионалов уделяет повышенное внимание. Оно стремится предоставить им многочисленные материальные льготы в виде образования, социального обеспечения, жилья и специальных правительственных стипендий. Кроме того, государство стремится инкорпорировать их в свои структуры, принимая профессионалов в партию и продвигая их на руководящие должности в правительстве [21].

Вместе с тем, если текущая гибридная модель не сможет обеспечить нужный для выживания КНР технологический и инновационный рост, то китайская правящая элита встанет перед сложным выбором – или начать политику закручивания гаек, столкнувшись со стагнацией, или начать переход к инклюзивным институтам политического и экономического характера и модели созидательного разрушения в том числе и через широкое вовлечение в этот процесс своего огромного среднего класса, т. е., если говорить в терминологии Фукуямы, завершить начатый с 1970-х гг. путь перехода к «постисторическому государству».

Заключение

Итак, противостояние «универсальности» в духе гипотез Липсета и Фукуямы и идеи «уникальности/локальности» в лице Китая представляет собой один из интеллектуальных нервов современной эпохи, который пронизывает обостряющуюся глобальную конкуренцию между Вашингтоном, возглавляющим коллективный Запад, и Пекином, претендующим на становление в качестве нового мирового центра в многополярной системе. Эта борьба во многом носит экзистенциальный характер, особенно на фоне обостряющейся конкуренции в гонке за лидерство в Четвертой промышленной революции, поскольку ее итоги должны будут дать фундаментальный ответ на вопрос о том, будет ли и дальше определять будущее мира зародившиеся в Западной Европе в XVI–XVII веках представления об универсализме западного пути развития, частью которой выступают модели Липсета, Фукуямы, Аджемоглу и Робинсона, или Китай предложит новый магистральный путь развития человечества, выходящий за рамки представлений о неизменной связи модернизации с вестернизацией, а также роста богатства нации с демократией и политическим либерализмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fukuyama, F. *The End of History?* // *The National Interest*, Center for the National Interest, No. 16. 1989. P. 3–18.
2. Lipset, S. M. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy* // *The American Political Science Review*, American Political Science Association. 1959. Vol. 53. No. 1. P. 69–105.
3. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. // *Российская политическая энциклопедия*, М., 2003. С. 71.
4. Бурдые П. *Формы капитала* // *Экономическая социология*. 2005. Том 6. № 3. С. 60–74.
5. Соколов М.М., Сафонова М.А., Чернецкая Г.А. *Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов* // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 152–179.
6. Соколов М. *Что мы знаем о вкусах россиян?* // Лекция в рамках цикла «Мифы российского общества» Фонда Егора Гайдара, 2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3786077>.
7. *The Global Middle Class* // Pew Research Center, 2009. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2009/02/12/the-global-middle-class/>.
8. *Democracy Index 2018: Me too?* // *Political participation, protest and democracy, 2019*. A report by The Economist Intelligence Unit, URL: https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy_Index_2018.pdf.
9. *Complete Ranking: Total Value Index 2020 (Context Measurement)* // *Dataset of the Democracy Matrix V.4, Ranking of Countries by Quality of Democracy*. Julius-Maximilians-Universität Würzburg, 2020. URL: <https://www.democracymatrix.com/ranking/>.
10. Коуз Р. и Нин В. *Как Китай стал капиталистическим*. М.: Новое издательство, 2016. 386 с..
11. *How Well-off is China's Middle Class?* // *China Power*, 2016. URL: <https://chinapower.csis.org/china-middle-class>.
12. *Five Reasons Why China is Dominating E-commerce* // HSBC, 2018. URL: <https://www.business.hsbc.com/navigator/made-for-china/five-reasons-why-china-is-dominating-e-commerce>
13. *The changing landscape of the Chinese middle class* // *Daxue Consulting*, August 26, 2019. URL: <https://daxueconsulting.com/the-chinese-middle-class/>
14. Инглхарт, Р., Вельцель, К. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

15. China. Country comparison // Hofstede Insights, 2022. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/china/>.
16. The USA. Country comparison // Hofstede Insights, 2022. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/the-usa/>
17. Japan. Country comparison // Hofstede Insights, 2022. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/japan/>
18. Сидорейко, И. Конфуцианство и современная политическая культура Китая // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 3. С. 55–59.
19. Борох О.Н. Чэнь Хуаньчжан и его роль в изучении истории китайской экономической мысли на Западе в начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Экономика. 2020. Т. 36, вып. 3. С. 514–540.
20. Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 1083 с.
21. Mei D. The Growing Middle Class and the Absence of Democracy in China, The Graduate Center, City University of New York, 2019. 49 p.
22. Number of Chinese Communist Party (CCP) members in China from 2010 to 2021 (in millions) // Statista, 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/281378/number-of-chinese-communist-party-ccp-members-in-china/>.
23. Number of employees at state-owned, collective-owned, and private enterprises in urban China from 2010 to 2020 (in millions) // Statista, 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/252924/employees-at-state-owned-collective-owned-and-private-enterprises-in-china/>.

Поступила в редакцию 29.08.2022

Махмудов Рустам Баходирович, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений
ORCID 0000-0002-1030-2200
Университет мировой экономики и дипломатии
Республика Узбекистан, 100007 Ташкент, пр-т Мустакиллик, 54
E-mail: rmaxmudov@uwed.uz

R.B. Makhmudov

THE HYPOTHESES OF LIPSET AND FUKUYAMA AND THEIR VERIFICATION ON THE EXAMPLE OF MODERN CHINA

DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-4-439-450

The article attempts to test the issue of the universality of the hypotheses of Francis Fukuyama and Seymour Martin Lipset about the positive correlation of wealth and consumer culture with liberalism and democracy on the example of some developing countries and modern China. The key component of the analysis is the middle class, which is traditionally considered an indicator of the economic state of society, the basis of consumer culture and the bearer of the economic liberalism values. The problem of a qualitative transition of the middle class from the confession of the economic liberalism values to the values of political liberalism and the requirements of their practical implementation in the form of democratization of society and the state is also analyzed. The article presents the results of the middle class survey in the most successful developing countries, conducted by Pew Research Center in 2009, which generally confirm the hypothesis of the existence of a global middle class from a value point of view, regardless of whether it is a developed or developing country. At the same time, more recent studies do not yet confirm the successful transition from economic liberalism to political liberalism in these developing countries. In this regard, the key conceptual issue that will have to confirm or refute the hypotheses of Lipset and Fukuyama is the further ways of the development of the middle class in China, which has already become the largest in the world in terms of numbers, has had a taste of consumption and economic liberalism. Considering that the Chinese middle class makes up more than 50 % of the population, it remains a mystery why it has not yet made demands for the political transformation of the state and what reasons are holding back the transition of the strengthening economic liberalism in Chinese society to political liberalism, and whether this transition is possible generally.

Keywords: Francis Fukuyama, Seymour Martin Lipset, post-history, liberalism, China, hysteresis, extractive institutions, inclusive institutions, Confucianism, cultural dimensions.

REFERENCES

1. Fukuyama, F. (1989), The End of History?, The National Interest, Center for the National Interest, no.16. pp. 3-18.
2. Lipset, S. M. (1959), Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy, The American Political Science Review, American Political Science Association, vol. 53, no. 1, pp. 69-105

3. Hantington, S. (2003), *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, Moscow, p.71 (In Russian)
4. Bourdieu, P. (2005), *The Forms of Capital*, *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol.6, no. 3, pp. 60-74. (In Russian)
5. Sokolov, M. M., Safonova, M. A., Chernetskaya, G. A. (2017), *Cultural capital, space of tastes and status boundaries among Russian students*, *Mir Rossiya*, vol. 26, no.1, pp. 152–179 (In Russian)
6. Sokolov, M. (2018), *What do we know about the tastes of Russians?*, // *Lektsiya v ramkakh tsikla «Mify rossiyskogo obshchestva»* Fonda Egora Gaydara, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3786077> (In Russian)
7. *The Global Middle Class* // Pew Research Center, 2009. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2009/02/12/the-global-middle-class/>
8. *Democracy Index 2018: Me too? Political participation, protest and democracy*, A report by The Economist Intelligence Unit, 2019. URL: https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy_Index_2018.pdf
9. *Complete Ranking: Total Value Index 2020 (Context Measurement)*. Dataset of the Democracy Matrix V.4, Ranking of Countries by Quality of Democracy. Julius-Maximilians-Universität Würzburg, 2020. URL: <https://www.democracymatrix.com/ranking>.
10. Coase, R. and Ning W., *How China Became Capitalist* (2016), Novoye izdatelstvo Publ., Moscow (In Russian)
11. *How Well-off is China's Middle Class?* (2017), ChinaPower, 2017. URL: <https://chinapower.csis.org/china-middle-class/>
12. *Five Reasons Why China is Dominating E-commerce* (2018), HSBC, URL: <https://www.business.hsbc.com/navigator/made-for-china/five-reasons-why-china-is-dominating-e-commerce>
13. *The changing landscape of the Chinese middle class* (2019), Daxue Consulting, URL: <https://daxueconsulting.com/the-chinese-middle-class/>
14. Inglehart, R., Welzel, C. (2011), *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Novoye izdatelstvo Publ., Moscow, p. 464
15. *China. Country comparison* (2022), Hofstede Insights, URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/china/>
16. *The USA. Country comparison* (2022), Hofstede Insights, URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/the-usa/>.
17. *Japan. Country comparison* (2022), Hofstede Insights, URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/japan/>.
18. Sidoreyko, I. (2008), *Confucianism and modern political culture of China*, *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*, no.3, pp. 55-59 (In Russian)
19. Borokh, O.N. (2020), *Chen Huanzhang and his role in studying the history of Chinese economic thought in the West at the beginning of the 20th century*, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, vol. 36, issue. 3, pp. 514–540 (In Russian).
20. Acemoglu, D., Robinson J. (2015), *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, AST, Moscow, 1083 p. (In Russian).
21. Mei D. (2019), *The Growing Middle Class and the Absence of Democracy in China*, The Graduate Center, City University of New York, 43 p.
22. *Number of Chinese Communist Party (CCP) members in China from 2010 to 2021 (in millions)* (2021), Statista, URL: <https://www.statista.com/statistics/281378/number-of-chinese-communist-party-ccp-members-in-china/>.
23. *Number of employees at state-owned, collective-owned, and private enterprises in urban China from 2010 to 2020 (in millions)* (2020), Statista, URL: <https://www.statista.com/statistics/252924/employees-at-state-owned-collective-owned-and-private-enterprises-in-china/>.

For citation:

Makhmudov R.B. The hypotheses of Lipset and Fukuyama and their verification on the example of modern China // *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2022. Vol. 6, iss. 4. P. 439–450. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-4-439-450> (In Russ.).

Received 29.08.2022

Makhmudov R.B., Associate Professor, ORCID 0000-0002-1030-2200
University of World Economy and Diplomacy (Uzbekistan)
Faculty of International Relations
Department of Applied Analysis of International Problems
Mustakillik Ave., 54, Tashkent, Uzbekistan, 100007
E-mail: rmaxmudov@uwed.uz